

Культура

Жизненный круг батано Рамаза

**Легендарный
грузинский
актер
считает
самым
артистичным
политиком
Иосифа
Сталина**

Вера ЦЕРЕТЕЛИ, Тбилиси

Кто бы мог подумать, что через 20 с лишним лет снимок Рамаза ЧХИКВАДЗЕ в роли Ричарда III станет символическим? Алая роза в руках шекспировского короля теперь читается в Грузии однозначно.

Ассоциации возникают еще и потому, что в дни «революции роз» артист активно выступал в теледебатах, давал интервью в здании парламента, только что занятом революционерами... Именно тогда московский журнал «Огонек» поспешил выдать сенсацию: краткое пребывание Чхиквадзе в больнице после революционных треволнений журналист расценил по максимуму. К счастью, как и в случае с Марком Твенном, слухи о кончине артиста были сильно преувеличены.

Об этом казусе с «Огоньком» актер ничего не знал, близкие скрывали. И какова же была его реакция, когда в ходе разговора я упомянула об этом? В ответ раздался гомерический хохот: «Ну это же хорошо! Если такое говорят о живом, значит, он бессмертен! Внесем этот факт в биографию».

— Батано Рамаз, вы всегда говорили, что не вмешиваетесь в политику. Что сейчас произошло?

— Я люблю политику, но сам ею не занимаюсь. Я думал, что с приобретением независимости все будет лучше, но наше несчастье в том, что все захотели стать политиками. Особенно лентяи. Полезли наверх и натворили такое, что дальше терпеть никто не захотел.

— Как вы оказались на баррикадах и на телеэкранах в момент «революции роз»?

— Три года назад меня пригласили на телевидение, и ведущий спросил, как мы оцениваем политическую ситуацию. Я тогда сказал, что людям все надоело, потому что ницца страна, все разгрой — ложь, людям просто пудрят мозги. Я сказал, что у народа терпение лопнет, и он, как танк, пойдет на власть. Эти слова ведущий, конечно, вырезал. И быстренько свернул наш разговор. А сейчас меня встречает и говорит, что у него эта запись осталась, и он даст ее в эфир. Я, конечно, никакой не предсказатель, это у всех было на душе, просто я громко сказал. Так оно и случилось.

— Вы приветствовали обновление в Грузии?

— Обновление всегда нужно и человеку, и обществу, и государству. Старики уступают место молодым. Закон природы. Но когда человек попадает на вершину власти и садится на этот стул, он уже не может этого понять. Он хочет сидеть на этом стуле до конца жизни. Это болезнь какая-то.

— Наверное, вас можно считать актером политического театра.

— Почти все мои роли были политическими. Я играл Ленина, Сталина, Гитлера, Людовика Ричарда III... Ну, про короля Ричарда я не говорю, это выдуманный персонаж. Всех их без знания политики не сыграешь.

— Политики не сыграл, у них соприкасающаяся психология?

— Большой политик всегда должен быть хорошим актером. Чем он гибче и артистичнее, тем быстрее достигает своей цели.

— Из политиков советского времени кто, по-вашему, был выдающимся актером?

— Я думаю, Сталин был самый большой артист. Он был с юмором, и у него было свое амплуа — шекспировское, я бы сказал. Хотя бы по масштабу. Ну, из грузин и Берия был неплохим артистом.

— Что такое успех?

— Для людей театра успех — это когда зрители понимают твое искусство, любят и оценивают его по достоинству. Овации, «браво», хорошие рецензии... А успех общества возможен, когда люди создают такое государство, где счастливы и свои граждане, и соседи. А если с соседями бесконечные скандалы и склоки, благополучия не жди. Но этому всему нужна хорошая голова, само общество ничего сделать не может. Народ может совершить только очередную революцию.

— А обычный человек как должен жить, чтобы чувствовать себя успешным и счастливым?

— Так жить, чтобы не было стыдно, в первую очередь перед собой. Надо бояться Бога. Безбожник думает, что раз никто не видит его дела, все шито-крыто. Ничего подобного.

— Вы верующий?

— Я с детства связан с религией. Моя бабушка была верующей, ее сестра — монахиней, брат бабушки был епископом Грузии. А дедушка был историком, но много занимался фольклором, создал самый большой хор и был регентом в церкви Кашвети во времена царя Николая II. И я все церковные праздники проводил рядом со старшими. А когда приезжал в деревню ко второй бабушке, прямо рядом, метрах в пятидесяти, стояла перковь, высветленная еще при царице Тамаре.

Я бы в школах обязательно увел Закон Божий. И еще уроки пения. С малых лет надо учить ребенка и народной музыке, и церковной. Грузия — певческая страна. А теперь сядешь за стол, двадцать человек рядом, и никто не может петь.

— А еще какие удовольствия, кроме пения, для вас существуют?

— Хороший спорт — футбол, баскетбол, бокс. Какая разница с тем, что было в моей молодости! Ну а если в детстве ты не любил спорт, эту разницу не поймешь. И удовольствия уже не получишь.

— Что меняется в жизни с возрастом?

— В душе абсолютно ничего не меняется. В желаниях — тоже. Наоборот, становишься умнее и знаешь, что хорошо, что плохо. Единственно — физика, вот этот футляр меняется силы реализовывать свои желания. А они лучше и правильнее, вот что важно.

— Вы по-прежнему не любите свой день рождения и мечтаете 28 февраля перенести на 29-е?

— Да, не люблю. Больше скажу, я родился 28 февраля 1928 года, год был високос-

ный, и я все выпытывал у мамы — а может, я ночью родился, и это уже было 29-е? «Да нет, утром ты родился 28-го». А мне так этого хотелось... Тогда раз в четыре года был бы день рождения. И мне было бы в 4 раза меньше лет.

— Кто была ваша мама?

— У нее был очень хороший голос, она окончила Тбилисскую консерваторию, потом готовила гостиную программу в Ленинграде, когда отец учился в аспирантуре Ленинградской консерватории. Мы всей семьей жили в Ленинграде, но отец заболел плевритом, пришлось уехать. Мама оставила свою вокальную карьеру, долго ухаживала за отцом, так и застряла в домохозяйках. Потом отец стал проректором Тбилисской консерватории, а я учился там в группе одаренных детей, играл на фортепиано. Но меня погубил грузинский ТЮЗ. В нулевом классе я посмотрел спектакль, и после этого уже не хотел ничего — ни музыки, ни консерватории, хочу быть артистом, и все. Свихнулся. Родители нервничали, с мамой были истерики, а я не мог больше сидеть за инструментом. Кончилось тем, что отец собственноручно выкинул меня из списков консерватории. И стипендии я лишился, а по тем временам это были хорошие деньги.

— Кажется, никто не помнит ни одного вашего пышного юбилея.

— Ненавижу юбилея. Когда ты сидишь в большой компании, шум, гам, ничего не можешь ни сказать, ни услышать. Настоящий стол должен быть не больше 15 человек. Из них хотя бы четыре певца. И все свои люди. Тогда и юмор идет, и вспоминаются такие интересные вещи...

— Вот еще одно удовольствие — застолье.

— О, застолье я очень люблю. Это огромное удовольствие, особенно с людьми моего поколения. С 16-летними за стол не сядешь, они нас не хотят, и мы их тоже, потому что мы друг друга уже мало понимаем. Мы часто встречаемся с друзьями, то там, то здесь, я и сейчас еще хорошо пью вино.

— Помните, вы еще любите ходить на базар?

— Базар — это наша жизнь. Там люди настоящие, которые говорят то, что у них на душе. Теперь еще и мои выступления обсуждают — правильно вы сказали, так им и надо...

— Вы чувствуете вес своего имени в обществе?

— Я счастлив, что меня просто любят.

— Интересно, а почему Пастернак говорил, что «быть знаменитым некрасиво»?

— Не знаю, что он подразумевал под этим. Ведь это от человека не зависит. Есть человек, и есть его талант. И талант совсем не значит, что его обладатель хороший человек. Он может быть вредным и паршивым. Талант часто скрывает гадость. Человека ценят по поступкам. Вот хороший артист на сцене, но выходит из за кулисы, и я разговаривать с ним не хочу, я знаю, кто он такой. Талант дал Бог. И этим

не кичись. Единственное назначение таланта — передать его людям. Многие паршивцы, прикрываясь своим талантом, хуже поступают, чем они сделали бы, не имея таланта.

— Вы заняты сейчас в своем театре?

— Театр Руставели стоит на ремонте. В других театрах я не люблю играть. Из нашего театра есть разные предложения от Робика Стурца. Но я никак не могу решиться. Не те годы! 76 вот-вот стукнет. Я привык подчиняться репертуару: никогда не диктовал, когда я могу играть, когда нет. Я вообще не люблю капризы, и свои капризы тоже. Я всегда строил свои планы и съемки, только исходя из репертуара театра. Сейчас вспоминаю, сколько я работал, это непонятно, сон какой-то.

Новый спектакль, если получится хороший, его надо давать не меньше трех раз в неделю или хотя бы два. Выйти на сцену в семь вечера и до конца быть на сцене? Я же не могу зрителям сказать — я пойду отдохну... Надо идти в ногу с театром. А столько ног уже нет.

— А кино?

— Снимаюсь. Только что главную роль сыграл в немецкой картине, роль еврея, который чудом остался жив во время войны. Недавно сыграл Сталина в фильме «Момент истины», еще была интересная роль Почтальона в картине по сценарию Ираклия Квирикадзе. Как всегда, озвучиваю кукольные спектакли у Резо Габриадзе.

— Ваш отец «Вилла Берлика» уже знаменит не меньше хозяина. Как появилась идея гостиницы?

— Сначала дом мы строили для себя. Тогда была нормальная жизнь, я думал, мне в гости со всех концов будут приезжать, артисты, друзья. Мы с женой хотели иметь комнаты для гостей. Когда строили, я шумел, ссорился, ну, зачем нам три этажа, и два хватит. Наташа настаивала — вот и построили три.

— Вам не мешают посторонние люди в доме?

— У нас останавливаются деловые люди, в основном из родства. Утром они все разбегаются и появляются только вечером. Но потом жена говорит: надо поощрить отдельное помещение, чтоб ты вообще о них не думал. Пристроили рядом четырехэтажный корпус — сначала в долг. Чтос делать, жизнь пришла такая. А если бы не было всего этого, мы жили бы, как прочие. Мотались бы на старости лет по районам с концертами или пел бы на свадьбах, на хлеб зарабатывал. Слава, но хлеб прищлось. А теперь и другим помогаем — рабочие места создаем.